

Шао Цихань почувствовал, как на него обрушилась тяжесть ответственности, и начал запинаться в объяснениях:

— Это было просто для удовлетворения потребностей...

— Удовлетворения потребностей? — сквозь зубы процедил Мужун Цзю. — Что, у тебя мозг в [одном месте]? Меня удивляет только одно: с такой частотой «удовлетворения» как ты ещё не умер от истощения?

Шао Цихань снова столкнулся с остротой языка Мужун Цзю, который обычно был таким мягким. Ему казалось, что собеседник не просто мучает его словами, а будто пилит его [достоинство] пилой.

— Я виноват... Ацзю, это всё в прошлом, — с подобострастной улыбкой подошёл Шао Цихань к Мужун Цзю, взял его за плечи и начал раскачиваться, изображая крайнюю степень раскаяния.
— Ацзю, прости меня, пожалуйста!

Но Мужун Цзю резко вывернулся, освободившись от его рук, и его улыбка стала ещё слаще, что только усилило тревогу Шао Цихана:

— Тогда расскажи, чем ты занимался в начале этого семестра?

Лицо Шао Цихана полностью поникло.

Что случилось с Ацзю? Раньше, хотя он и постоянно напоминал о тысяче вещей, но никогда не был таким настойчивым!

Да, в памяти Шао Цихана Мужун Цзю всегда был вежливым и учтивым, и это касалось не только его отношения к людям, но и к проблемам.

Шао Цихань знал, что Мужун Цзю не одобрял его разгульный образ жизни, но он также знал, что тот никогда не требовал от него изменений.

На самом деле, Мужун Цзю был к нему снисходителен.

Шао Цихань любил эту снисходительность и любил его нравоучения, потому что это давало ему, человеку, никогда не знавшему родительской любви, ощущение, что его любят.

Даже в самые гневные моменты Мужун Цзю лишь дрался с ним или игнорировал, но никогда не был таким агрессивным и настойчивым.

Шао Цихань с недоумением смотрел на Мужун Цзю, не понимая, что тот задумал.

Он мог только честно ответить:

— Тусовался в барах... пил...

Шао Цихань украдкой взглянул на Мужун Цзю, чувствуя себя виноватым.

— Играл с женщинами...

Мужун Цзю не показал никакой особой реакции на этот ожидаемый ответ, он лишь улыбнулся и мягко спросил:

— Тогда скажи, наш красавчик Хань, сколько же женщин ты успел «поиграть» за эту неделю?

Эти вопросы заставили Шао Циханя покрыться холодным потом. Он открыл рот, но не смог ничего сказать.

— О? Наш Хань, видимо, слишком занят, чтобы помнить такие мелочи, — с пониманием кивнул Мужун Цзю, наклонив голову. — Тогда я попробую угадать... ммм... семь?

— Нет! — Шао Цихань замотал головой, повторяя:

— Точно не так много!

Его лицо покраснело, и он изо всех сил старался вспомнить, сколько женщин у него было.

Сколько же их было? Кажется, в день, когда он встретил Ацзю, было две женщины? Но он, наверное, не спал с ними... правда?

Шао Цихань никогда не запоминал, как выглядели женщины, с которыми он спал, он помнил только, насколько хорошо они справлялись и доставляли ли ему удовольствие.

Одним словом — подлец!

Пока Шао Цихань изо всех сил пытался вспомнить правильный ответ, Мужун Цзю уже потерял терпение ждать. Он задавал эти вопросы только для того, чтобы ещё больше насладиться его унижением.

— Неужели не было? — холодно произнёс Мужун Цзю. — А я думал, ты меняешь их каждый

день!

Шао Цихань не нашёл, что ответить.

— Что, сейчас хочешь возразить? Говоришь, ты не ветреный? — с усмешкой спросил Мужун Цзю.

— Я их не любил! — вдруг выкрикнул Шао Цихань, заставив Мужун Цзю вздрогнуть. — Ацзю, я клянусь, я никогда не любил их, совсем!

Мужун Цзю перестал усмехаться, просто бесстрастно смотрел на Шао Циханя, который, как загнанный зверь, с обидой и болью смотрел на него.

Через некоторое время Мужун Цзю наконец произнёс:

— Видишь, Хань, вот в чём наша разница.

— В чём? — спросил Шао Цихань, но тут же его лицо потемнело, будто он понял, что хочет сказать Мужун Цзю.

— Разница между тобой и мной... — Мужун Цзю закрыл глаза и вздохнул. — ...Шао Цихань, ты можешь легко разделять тело и сердце. Я — нет.

— Мне всегда было интересно, как ты можешь спать с разными женщинами и не чувствовать отвращения. Ты ведь знаешь, что они спят с тобой только ради денег и удовольствия? Нет... ты знаешь, ты всё понимаешь, но ты можешь это принять. Это меня удивляет.

— Шао Цихань, я никогда не объяснял тебе это так, правда? Раньше я говорил о [риске заболеваний]? О том, что чрезмерная [распушенность] вредит здоровью? Что тебе стоит сосредоточиться на важных делах? Ммм... кажется, ты не знаешь, что всё это лишь поверхностные причины.

Шао Цихань стоял, словно истукан, пассивно слушая слова Мужун Цзю. Его сердце становилось всё тяжелее, холоднее, тревожнее и болезненнее.

— Самая главная, самая искренняя причина... Шао Цихань, ты мне отвратителен.

— Может, слово «отвратителен» слишком сильно? В конце концов, если отбросить твою распушенность, ты мне как друг нравишься. Скажем иначе — я не одобряю твоё отношение?

— Но неодобрение не означает непринятия. Шао Цихань, тебе стоит радоваться, что в тебе

есть другие качества, которые меня привлекают, иначе наша дружба давно бы закончилась.

Честно говоря, Шао Цихань за всю свою жизнь никогда не слышал, чтобы кто-то сказал ему: «Ты мне отвратителен».

Он также никогда не думал, что этот человек, стоящий перед ним, мог так о нём думать.

В сердце Шао Цихана будто образовалась бездонная чёрная дыра, которая поглощала все его положительные эмоции, оставляя только сожаление, растерянность и обиду.

Если даже Ацзю считает его отвратительным, значит, у него нет никаких шансов? С отчаянием подумал Шао Цихань.

Но если он искренне признает свою вину, может, Ацзю даст ему шанс? Эта мысль заставила его угасшее сердце снова забиться.

— Ацзю, я виноват! Я готов измениться! Смотри, я уже давно ни к кому не прикасался, ни к кому! — с бледным лицом Шао Цихань схватил руку Мужун Цзю и выкрикнул это.

Мужун Цзю с удивлением посмотрел на него, безжалостно высвободил свою руку и сказал:

— Я знаю. Ты же нашёл того, кто тебе нравится.

С тех пор, как произошёл тот инцидент с вином, Мужун Цзю больше не видел и не слышал, чтобы Шао Цихань посещал бары или ночные клубы. Он думал, что его друг наконец сосредоточился на важных делах, но несколько дней назад узнал, что Шао Цихань не из-за работы перестал развлекаться, а потому что влюбился.

Хотя Мужун Цзю и был удивлён, кто же смог привязать Шао Циханя, он был доволен его изменениями.

Если бы Шао Цихань был таким же ветреным и неверным, как Мужун И, то слова Мужун Цзю о «конце дружбы» не были бы пустыми угрозами.

Как друг, Мужун Цзю мог терпеть [распущенное поведение], ведь в его окружении многие сверстники страдали этим, но он никогда не потерпел бы обмана чувств — как это делал Мужун И.

Можно сказать, что в отношениях с другими Мужун Цзю мог разделять [физическое] и [эмоции], но в отношении себя он придерживался принципа единства тела и души, что было своего рода строгостью к себе и снисходительностью к другим.

Шао Цихань на самом деле не понимал Мужун Цзю. Он не знал, что в его сознании он был отнесён к категории «других», а сам он уже самонадеянно считал себя частью «себя». Когда он применил строгость Мужун Цзю к себе, он понял, что в его глазах он стал никем.

<http://bllate.org/book/15114/1335855>